

Ш.Р. Кешфидинов

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

Э.Ф. Шафранская

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

УДК 821.161.1

АРМЯНСКАЯ КОШЕНИЛЬ И КРАСНЫЙ ЦВЕТ АРМЕНИИ В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-18-00339, <https://rscf.ru/project/22-18-00339/>

Ключевые слова: Армения; красный цвет; кошениль; О. Манделъштам; русская поэзия об Армении, армянский текст русской словесности.

На материале русских поэтических текстов (Б. Пастернак, Ф. Сологуб, О. Манделъштам, Н. Кончаловская, П. Антокольский, И. Снегова, П. Пьяных, Л. Шахвердян) и прозаических (Б. Кузин, О. Манделъштам, Ю. Карабчиевский, М. Сарьян, В. Гроссман) – рассмотрен генезис красного цвета, выступающего в роли паттерна «армянского текста русской литературы». Предмет статьи – связь инсектного кода, представленного в дискурсе, с красным цветом. Проведенная на основе историко-культурного подхода аналитика опирается на биографический, квантитативный методы, а также на лингвистический анализ текста. В существующих с недавних пор работах, выявляющих паттерны «армянского текста», не упоминается связь кошенили и метафорики красного цвета, обнаруженная в настоящей статье. Полученные выводы обогащают культурно-филологический концепт, заключенный в рамки «армянского текста», и расширяют поэтический контекст биологического организма, упоминаемого в стихах русских поэтов. В статье представлен дополнительный (к уже существующим) ракурс в аналитике стихотворения О. Манделъштама «Внутри горы бездействует кумир...»: образ кумира встроен в экфрастический скульптурный ряд с мифологическим Големом.

Введение

В архивной прозе Натальи Громовой, посвященной литературной и бытовой повседневности 1930-х годов, не раз отмечается бесцветная одежда соотечественников: летом – «сплошь вещи слепящего белого цвета; белые платья, белые штаны, белые кепки, белые бумазейные туфли, белые шляпки и белые косынки. Белый цвет говорил об отсутствии красок, отсутствии химической промышленности» [Громова, 2013, 144].

Такую оптику задал человек «со стороны» – французский писатель Андре Жид, посетивший СССР в 1936 году: «Летом почти все ходят в белом. Все друг на друга похожи. <...> Несомненно, то же самое обнаружилось бы в умах, если бы это можно было увидеть» (цит. по кн.: [Громова, 2006, 235]).

Дефицит цветных красителей, ориентированных на нужды простых людей, отмечен и в литературных текстах XIX века. Так, Николай Каразин, открывавший для себя и для русского читателя только что завоеванный Туркестанский край, подробно описал деятельность местных красителей-кустарей: в доступности была только одна краска – синяя, но не в промышленных масштабах (промышленности просто не было), а в частной

деятельности людей конкретной этнической общности – среднеазиатских евреев, или бухарских евреев (см.: [Шафранская, 2019, 576–577]).

Приехавшая в 1930-е годы в Узбекистан художница Елена Коровай так же, как и Каразин несколько десятилетий раньше, была впечатлена евреями-красильщиками и написала картину «Кустари-красильщики» (1933). В XX веке ничего не изменилось, краски были по-прежнему в дефиците. На картине изображены красильщики, их руки словно в перчатках цвета индиго, в тот же цвет окрашены их тела и лица (см.: [Шафранская, 2020a]). Старожилы Самарканда до сей поры помнят красильщиков, в повседневности их называли *кабудгари*. Выражение «пойти к еврею» означало «пойти окрасить изделие, ткань или пряжу в синий цвет» [Назарьян, 2004]. «Бухарские красильщики подобны скульптурам в нишах – непроницаемым, замершим, загадочным. <...> Терпеливая сила людей, изо дня в день делающих свое дело [Ройтенберг, 2008, 388] – так встраивает Ольга Ройтенберг картину Коровай в полиэтнический мир Средней Азии.

Краски, участвующие в рождении цвета для рукотворных изделий и артефактов, были в крайнем дефиците до середины XX века. «...Бабы гонят краску мариону из квасцов с березовыми листьями» [Мандельштам, 1991b, 162–163] – пишет О. Мандельштам, а почти за два века до него поиском красителей обеспокоен М.В. Ломоносов, он обращается в Коммерц-коллегию с просьбой позволить вести отечественные изыскания по замене привозимой из Германии марионы (см.: [Ломоносов, 1745]). Природное происхождение красителей (растительное или животное) было связано с транспортировкой из-за рубежа и сложным процессом окрашивания. Так, индиго поставляли по Великому Шелковому пути из Индии в города Мавераннахра – Бухару и Самарканд.

Кошениль

Издrevле, по утверждению ученого И.Х. Гамеля, единственным источником красного красителя была кошениль, упоминаемая в Ветхом Завете, а также в более древних памятниках (см.: [Гамель, 1835]). Арагатская кошениль со временем «вышла из употребления» из-за «несчастных политических оборотов, коим подвергалась Армения в течение многих столетий» [Гамель, 1835, 22]. Ее заменил распространенный в разных точках Азии и южной Европы древесный кермес, а затем корневая кошениль, обитавшая в Польше, Германии, Украине, Беларуси, Сибири. Кошениль – это червь, или червец. Именование красного цвета во всех славянских языках (червонный, червленький и проч. огласовки) происходит от *червя*. Июнь, месяц красной «активности» кошенили, у украинцев и белоруссов называется червень, у поляков – червец. Н.М. Карамзин ошибочно возводил эти именованья июня к урожаю красных плодов и ягод, считает Гамель (см.: [Гамель, 1835, 28]).

К XX веку в России не было красителей в красный цвет, пригодных для масштабного производства. Специалист по поиску источника красной краски, стоявший у истоков этого процесса в СССР, Б.С. Кузин пишет [Кузин, 1999, 153–179] о натуральном источнике красной краски, пригодной в том числе и для пищевой промышленности, – это насекомое, червец-кошениль. К XIX–XX вв. червца добывали в Мексике, а оттуда завозили в страны Европы – так было до начала 1930-х годов. Пищевое ведомство СССР решает сократить импортные поставки кошенили и найти отечественные источники: в 1929 году в Армению командирован ученый-энтомолог Московского университета Борис Сергеевич Кузин с целью найти червца и описать этапы его жизнедеятельности. Речь шла об арагатской кошенили. Б.С. Кузин вспоминает: «Из одной небольшой монографии начала прошлого столетия я узнал, что кармин, добывавшийся из этой кошенили, употреблялся в качестве краски для печати католикоса, а также для иллюстрации и украшения заставок рукописных книг. Но главное – в этой книжке было указано кормовое растение арагатской кошенили и названы селения в долине Аракса, близ которых ее собирали. Я ответил, что могу попытаться найти эту кошениль, определить ее запасы и выяснить, возможно ли ее добывать в промысловом количестве. Финансировать возрождение древнего промысла из патриотических соображений

согласился Совнарком Армении. В начале сентября 1929 г. я с Н.А. Емельяновой (энтомологом) и Н.Т. Кахидзе (ботаником) выехал в Эривань. Кошениль мы нашли, и два последующих года я занимался ею в Армении, а в 1930 г. нашел другого содержащего кармин червеца также и в Средней Азии» [Кузин, 1999, 157].

Монография, о которой упоминает Кузин, – это исследование И.Х. Гамеля (1788–1862), русского ученого, химика и медика, уроженца немецкой колонии Сарепта в Российской Империи.

Подобная историческая справка, казалось бы, не имеет отношения к литературе – однако имеет, и прямое. Цель и задачи командировки Кузина нашли прямое отражение в биографии и творчестве Осипа Манделъштама.

Осип Манделъштам и Борис Кузин

«Путешествие в Армению» Осипа Манделъштама подробно повествует о знакомстве поэта с «кошенилеведом» Кузиным. В манделъштамовском травелоге также представлен философский этюд о цвете, красках:

– о рецептивной и рефлексивной черте цвета: «Саламандра ничего не подозревает о черном и желтом крапе на ее спине. Ей невдомек, что эти пятна располагаются двумя цепочками или же сливаются в одну сплошную дорожку, в зависимости от влажности песка, от жизнерадостной или траурной оклейки террария. Но мыслящая саламандра – человек – угадывает погоду завтрашнего дня, – лишь бы самому определить свою расцветку» [Манделъштам, 1991b, 146];

– об ассоциативной компоненте цвета: «...кирпичный колорит москворецких закатов, цвет плиточного чая приводил мне на память красную пыль Араратской долины» [Манделъштам, 1991b, 146];

– о структурирующих возможностях цвета: «...Цвет не что иное, как чувство старта, окрашенное дистанцией и заключенное в объем» [Манделъштам, 1991b, 159];

– о красном цвете – не называя его, но подготавливая читателя, рассказчик травелога как бы собирает все россыпи красного по Армении и окрестностям:

«Еще в прошлом году на острове Севане, в Армении, гуляя в высокой поясной траве, я восхищался безбожным *горением маков*. <...> Я позавидовал детям. Они ретиво охотились за *маковыми крыльями* в траве. <...> Однажды в Абхазии я набрел на целые россыпи северной *земляники*. <...> Крестьяне мотыжили *красноватую сладкую землю*, подготавливая луночки для ботанической рассады. То-то я обрадовался *коралловым деньгам* северного лета» [Манделъштам, 1991b, 150];

«На балкончике вы показали мне персидский пенал, крытый лаковой живописью цвета *запекшейся с золотом крови*. <...> Затем, снова уйдя в ореховый сумрак квартиры Тер-Оганьянов, вы возвратились с пробиркой и показали мне кошениль. *Красно-бурые горошины* лежали на ветке» [Манделъштам, 1991b, 151–152].

Все лексемы, выделенные нами курсивом, – эстетическая и экзистенциальная метафорика кошенили – красного символа Армении.

«Вы» – адресовано Борису Кузину, который открыл для Манделъштама не только кошениль, но и настроил оптику поэта на красный регистр.

Кузин после этой ереванской встречи стал другом Манделъштама до последних дней – его читателем, слушателем, почитателем. Вспоминает Б.С. Кузин:

«Отношения близкой дружбы у нас установились даже не быстро, а словно мгновенно. <...> И с первого до последнего дня нашего общения каждая наша встреча состояла из смеси разговоров на самые высокие темы <...> шуток и хохота даже при самых мрачных обстоятельствах» [Кузин, 1999, 165];

«...Дружба связывала О.Э. и со мной. Думаю, он понимал, что в моем отношении к нему проявлялась не только оценка его как поэта, но в равной мере любовь к нему самому» [Кузин, 1999, 170].

Юрий Карабчиевский

В повести Юрия Карабчиевского «Тоска по Армении» (1978), впервые опубликованной во Франкфурте-на-Майне в журнале «Грани» (1980. № 116. С. 38–183), а в СССР – только в перестроечном 1988-м в «Литературной Армении» (№ 7–8), рассказчик выстраивает сюжет своего путешествия в виде палимпсеста, накладывая свое восприятие Армении на мандельштамовское. По тем временам, когда создавалась «Тоска по Армении», в режиме советской цензуры, такая сюжетная рецепция Мандельштама и рефлексия по его поводу были недопустимы. Наперекор идеологии Карабчиевский подробно идет по следам путешествующего Мандельштама, в частности, он ищет ту самую мечеть в центре Еревана, куда забрел в начале 1930-х Мандельштам, он завязывает диалог с одним из сотрудников музея, который образовался на месте мечети, напоминает «бритому старику» события, описанные в «Путешествии в Армению», «имена-пароли-явки»:

«А знаете, в этом дворике...

– Кузин? – переспрашивает он. – Нет, не знаю. Ах, которому посвящено... Так, и что же? Зотов? Помню, конечно, помню. Энтомолог, кошениль, теория Гурвича. У Мандельштама о нем довольно много. Так, значит, Борис Сергеевич Кузин. И в этом дворике. Нет, не сомневайтесь, другой мечети в Ереване нет» [Карабчиевский, 1991, 243].

Так Зотов или Кузин? Карабчиевский называет Кузина «загадочным Зотовым».

Дело в том, что Карабчиевский цитирует в «Тоске по Армении» текст «Путешествия в Армению», напечатанный в журнале «Звезда» за 1933 год, в котором нет *Кузина*, но есть *А.Б. Зотов*, чаще упоминаемый как *А.Б.*, а один раз даже *Андрей Борисович* [Мандельштам, 1933, 112], тоже энтомолог, тоже охотник за кошенилью.

Можно сказать, что первым вскрыл это историческое и фактическое несоответствие именно Карабчиевский в «Тоске по Армении». При этом во второй публикации мандельштамовского «Путешествия» в «Литературной Армении» в 1967 году (где в предисловии Геворг Эмин пишет: «По несчастному стечению обстоятельств, современному читателю мало известен Осип Мандельштам – один из самобытных и интересных русских поэтов XX века» [Мандельштам, 1967, 82]) уже нет Зотова, но нет и Кузина, а только его инициалы – *Б.С.*, и без комментариев (см.: [Мандельштам, 1967, 88–91]). А уже вслед за этой публикацией, почти три десятилетия спустя, в первом неподцензурном собрании сочинений О.Э. Мандельштама (1991) появляются комментарии мандельштамоведов:

«...Примечательно то, что часто имена заменялись в “Звезде”, очевидно, не автором, а редакцией журнала, по чисто политическим соображениям: имена опальных или уже осужденных и репрессированных лиц заменялись другими. <...> Начиная со стр. 148 нашего текста часто встречается *Б.С.К.*, или просто *Б.С.*, то есть Борис Сергеевич Кузин <...> В “Звезде” вместо него назван *А.Б. Зотов*. Ведь как раз во время публикации в “Звезде” “Путешествия в Армению” *Б.С. Кузин* был арестован органами ГПУ» [Мандельштам, 1991b, 600].

В биографической справке *Б.С. Кузина* сказано: «Галина Сергеевна Кузина рассказывала, что после первого ареста Бориса Сергеевича (в 1932 г.) Мандельштам, придя к его близким на Якиманку, бегал в смятении по комнате, повторяя: “Я пойду к ним туда. Я скажу им, что без него не могу. Я стихов не могу писать!”» [Кузин, 1999, 756].

Этот арест Кузина (о котором он сам пишет в своих воспоминаниях: больше месяца пребывал в застенках ГПУ [Кузин, 1999, 172]) – как раз совпал с публикацией в «Звезде». Именно этим своим краткосрочным опытом заключенного Кузин, по возвращении из ГПУ, поделился с Мандельштамом: по рассказам Надежды Яковлевны, когда она приехала на свидание с мужем, увидела его руки забинтованными в запястьях. Он пытался перерезать вены, пронеся в камеру лезвие «Жиллет». Задолго до ареста Мандельштам услышал от освободившегося в 1933 году Кузина, что в камере часто не хватает ножа или лезвия.

Впечатленный такой деталью, Мандельштам воспользовался услугами знакомого сапожника, который спрятал в подошве его ботинок лезвие [Мандельштам, 1991b, 598].

«...Прекрасный знаток и толкователь Баха, и вообще – удивительный человек. Он не только познакомился здесь с Мандельштамом, он отныне стал его другом, и, по-видимому, самым близким. Пресловутая кошениль явилась перекрестьем и общей точкой рассказа Мандельштама о Кузине и более поздних воспоминаний Кузина о Мандельштаме» [Карабчиевский, 1991, 240] – так сводит воедино аргументы и факты истории Карабчиевский в «Тоске по Армении».

«Перекрестье» с мандельштамовским текстом об Армении уникальным образом обнаруживается и в творчестве современного писателя Хаида Исмаилова – в метакодах его транскультурных текстов, в которых армянский текст Мандельштама выступает связующим звеном межъязыковой идентичности русских и *других* – именно это, по словам Г.Т. Гариповой, отразилось в статье Х. Исмаилова «Календарь Москвы заражен Кораном...», в которой автор повествует о своем сне: будто бы Осип Мандельштам только что вернулся из поездки в Армению и что-то рассказывает ему, а за его спиной в дверном косяке – тревожная Москва 30-х, марширующие военные. Мандельштам читает строки неизвестного поэта, и от красоты этой поэзии повествующий просыпается. Далее Исмаилов сообщает, как выяснил у друга-тюрколога, что эти стихи принадлежат Надыму, турецкому поэту Эпохи Тюльпанов (XVIII в.), и задумался: почему еврей с подачи армян открыл ему, тюрку, Надыма и попенял на подсознание, которое скомбинировало из *М-Н-Д* – Мандельштама, уподобив эти буквы *Н-Д-М* – Надыму [Гарипова, 2018, 82–83].

Метафорика кошенили в русской поэзии

Исследователь Г.Т. Гарипова, упоминая *блоху* Лескова, *таракана* Чуковского, *клопа* Маяковского, *вшей* Ю.М. Лотмана и Л.Я. Гинзбург, *умную блоху* В.Г. Сорокина и проч. насекомых в рассуждениях о семиотике литературы, возводит этот ряд насекомых к *инсектному коду* русской литературы, в ее экзистенциальный вектор [Гарипова, 2021a, 410–411]. Посмотрим, как вписывается в этот инсектный код *кошениль* русской поэзии.

Борис Пастернак, «Послесловье» (1917)

Нет, не я вам печаль причинил.
Я не стоил забвения родины.
Это солнце горело на каплях чернил,
Как в кистях запыленной смородины.

И в крови моих мыслей и писем
Завелась кошениль.
Этот пурпур червца от меня независим.
Нет, не я вам печаль причинил.
<...>
[Пастернак, 2003, 160].

Не случайно знаток кошенили, энтомолог Б.С. Кузин, сказал, что Пастернак написал эти строки грамотно, со знанием дела [Кузин, 1999, 162]. «Знание дела», как нам думается, было почерпнуто Кузиным у Гамеля: «Арагатская кошениль вылупляется из коконов в июле месяце. Она проводит большую часть времени под землей; но когда утром солнце начинает согревать почву земли, то она выходит на поверхность. В иных местах появляется такое множество сих красных самок кошенили, что земля представляет как бы ковер, испещренный красными узорами, коих вид от движения червей беспрестанно изменяется. (Копыта лошадей в сие время года часто бывают красными от растоптанных в большом числе червей кошенили.)» [Гамель, 1835, 6].

Лирический герой Пастернака не считает себя источником печали своей *адресатки*. По словам М. Гаспарова, «герой и героиня растворялись в природе, сливались с ее космосом, и этим самым оба свободны от нравственных упреков» [Гаспаров, 2008, 141]. И тут удачно появляется метафора – кошениль, которой свойственно появляться в означенный для ее развития момент: пригрело солнце – вышла на свет кошениль (*завелась*), приобретя свой искомый цвет – только в этот короткий период она, наконец, обладает бесценным цветом пурпура. Так, сложной, иррациональной метаморфозе чувств поэт находит экзистенциальное безысходное обоснование. Завелась кошениль – вспыхнула страсть, нарастание чувства отражено в цветовой гамме природных деталей, в градации-усилении красного цвета: это «солнце горело на каплях чернил, / Как в кистях запыленной смородины», «Целовал вас, задохшись в охре», «Это – запад, карбункулом вам в волоса / Залетев и гудя, угасал в полчаса, / Осыпая багрянец с малины и бархатцев» [Пастернак, 2003, 160]. От светло-красно-розовой смородины, через желтую охру чувство-цвет превращается в карбункул: одновременно уголек и гранатовый камень, густо-темно-красного цвета.

«Из каких литературных текстов Пастернак 17-го года мог узнать о кошенили – неизвестно, может быть, она цитируется где-то во французской декадентской поэзии? Кошениль и пурпур червца – это одно и то же, названо по-разному» [Гаспаров, 2008, 142], пишет М. Гаспаров. Возможно, Б. Пастернак, как и Б. Кузин, прочитал книгу Гамеля.

Федор Сологуб, «На минуту приходила...» (1923)

На минуту приходила,
На минуту разбудила,
Унесла мое кольцо,
Улыбаясь, подарила
Мне пасхальное яйцо,
Ничего не говорила,
Только вспыхнуло лицо.

Кровь пасхальной кошенили
Также алою была.
<...>
[Неизданный... 1997, 133].

В лирическом сюжете Ф. Сологуба воспроизведен какой-то иномирный ритуальный потлач: «Мир иной на миг явился». «Кровь пасхальной кошенили» звучит зловеще, суля разлуку (*унесенное кольцо* – из этого же ряда). По совокупности деталей можно предположить, что лирический герой находится в агонии, в бреду, в своих метаниях он уронил градусник, который, вероятно, был поставлен доктором для замера температуры: «Ртутный шарик покатился / Из осколков на полу, / И, колеблясь, обкрутился / В синеватую золу» [Неизданный... 1997, 133]. Эти детали – осколки, ртуть (в алхимии символизирующая изменчивое женское начало) – предвестники беды, завершающейся аккордом: «А на меди пред камином / Тлеет алая тесьма».

И у Пастернака, и у Сологуба кошениль символизирует предельное выражение чувств, оборачивающихся экзистенциальной безысходностью.

Оммажем сологубовскому *красному/алою цвету* выглядит стихотворение современной поэтессы Лианы Шахвердян «Красное»: «Мир маленький, стеклянный... / Солнце за стеклом / глядит. / Множество солнц / одно – / красное, / соскальзывает с уставшего лица дня / и скатывается в безвестность. // Деревья – / верные стражи, / своей наготой заслоняющие цвет, / кромсают ветками закат, / цепляясь за ночь объятиями поцелуев... // Цвет поглощается. / Все выстраивается в слово длинное... // А за движением – тишина, / за тишиной – мечта, / за мечтою – крик, / за криком – страх, / за страхом – судьба, / за судьбой – желание, / за желанием – предел, / за пределом – смерть, / за смертью – цвет – / красный... / ласкающих отливов твердь / в беззвучном отсвете желания / <...>» [Шахвердян, 2015, 67].

Осип Мандельштам, «Внутри горы бездействует кумир...» (1936)

<...>

Когда он мальчик был и с ним играл павлин,
Его индийской радугой кормили,
Давали молока из розоватых глин
И не жалели кошенили.

Кость усыпленная завязана узлом,
Очеловечены колени, руки, плечи,
Он улыбается своим тишайшим ртом,
Он мыслит костию и чувствует челом
И вспомнить силится свой облик человечесий
[Мандельштам, 1991а, 227].

Об интер- и метатекстуальных аллюзиях, которые продуцирует мандельштамовский кумир, пишет Л. Панова: «Внутри фигуры Критского старца, бесспорного подтекста ВГБ (Внутри горы бездействует. – *Авт.*), помещены самодержавные выходцы из других времен и народов. С русской стороны это Сталин, Ленин, Петр I и Кощей. А с древневосточной — колоссальные статуи Навуходоносора (из 2-й и особенно 3-й главы книги Даниила) и колоссы Рамсеса Великого из так называемого Абу-Симбелского храма» [Панова, 2020, 177].

Псевдоантропоморфный гротесковый образ кумира, бездействующего обитателя горы, представлен в чертах предельных и гипертрофированных: он получил всего сполна – рос в холе и неге, все красоты мира и богатства были доступны ему – для него «не жалели кошенили»! В этом контексте *кошениль* метафоризирует все лучшее, редкое, дорогое. В итоге счастье оказалось миражом: «ожерелий жир», «мыслит костию», «чувствует челом» – вождельенный в пору юности «облик человечесий» навсегда утрачен. Таков, возможно, удел кумиров и властителей. Такова притчевая интенция этого стихотворения.

«Созданный мандельштамовским воображением герой вообще насквозь антитетичен: он то ли сверхчеловек, то ли недочеловек; то ли “наш”, то ли “чужой”; то ли жив, то ли мертв. Риторически ВГБ вступает в полемику с культом советского вождя-сверхчеловека, который хотя и мертв, но все равно живет всех живых» [Панова, 2020, 162].

В статье М.Б. Мейлаха, посвященной мифопоэтическому анализу этого стихотворения, вектор мифореконструкции кумира восходит не только к образу Сталина – в контексте мандельштамовской лирики и атмосферы 1930-х годов, но и к культурному герою, бытовавшему в мифологии ряда кавказских и других восточных народов. В аналитике Мейлаха этот кумир амбивалентен: с одной стороны, это «очеловеченный камень» [Мейлах, 1990, 420], с другой – «окостеневший человек» [Мейлах, 1990, 420]; и еще одна оппозиция: с одной стороны, кумир – восточный деспот, с другой – просветитель [Мейлах, 1990, 423].

Мейлах, подробно раскрывая каждую метафору этого стихотворения, не замечает кошенили. Именно кошениль подвигла, как нам кажется, других исследователей, Г.Г. Амелина и В.Я. Мордерера, увидеть в упомянутой стати кумира-просветителя неожиданную метонимическую деталь – книгу: «Все богатство оправленных в кожу, серебро, драгоценные камни и иллюминированных фолиантов, раскрашенных миниатюр, виньеток, заставок и концовок, передано яркостью павлиньего хвоста, гастрономической роскошью “индийской радуги” старинного державинского застолья-пира и, наконец, той самой кошенилью, которой кормить можно только книгу» [Амелин, Мордерер, 2001, 285]. Вот этот факт, упрятанный в метафору («кормить только книгу»), можно оспорить со ссылкой на Гамеля, который пишет, что кошенилью издревле красили шерсть для ковров и ткани [Гамель, 1835, 21], а также, по его словам, на Московской выставке в самой почетной комнате были представлены окрашенные кошенилью шелк и шерсть [Гамель, 1835, 38]. Тем не менее неожиданное прочтение «кумира»: «Кумир, покоящийся внутри горы, – книга в переплете, том» [Амелин, Мордерер, 2001, 283]. Вплетая свое открытие в контекст мандельштамовского

стихотворения, авторы этой версии пишут, что «бездушный истукан» превращается в «веселого собеседника», когда приходит читатель. Но «веселья» в этом стихотворении как-то незаметно. «...Книга – это такой дом, где все бездействует и спит, покуда не придет гость – читатель...» [Амелин, Мордерер, 2001, 284].

Одна из портретных деталей кумира – «ожерелий жир», или просто «жир». Самый известный кошенилевед XIX века И.Х. Гамель не раз упоминает одну помеху в идеальном окрашивании кошенилью – это жир. Он описывает несколько, ставших уже историей, способов избавиться от него, предложенных за все время исследования кошенили. Так, он пишет о «способе умерщвления червей и удаления из оных вредного для крашения жира» [Гамель, 1835, 22], о «способе для очищения червеца от жира, состоявшего в том, что червеца должно бросать на четверть часа в горячую воду и потом класть оный в подогретый песок, накрывая глиняною тарелкою» [Гамель, 1835, 34] и о др. способах. С уверенностью можно говорить, что и Мандельштам прочитал эту «монографию», упомянутую Кузиным, так как кошениль его весьма впечатлила, а Кузин поделился проблемной зоной кошенили. Кумира кормили кошенилью, а значит ее жиром, делая деяния кумира бесплодными и бесполезными.

Необходимо упомянуть еще одну грань «кумира», отмеченную Мейлахом вслед за Н.Я. Мандельштам, – он имеет черты Будды [Мейлах, 1990, 424], статуи, сотворенной, возвращенной неким разумом, неким «тьютором», или Высшим началом, – примерно так, как когда-то пражским раввином был сотворен во спасение евреев Голем (см.: [Шафранская, 2020b, 151]). Предлагаем расширить и эту метафору, и саму концепцию стихотворения.

Экфрасис

«...Мандельштамовский кумир представляет собой даже не иероглиф, а пиктограмму верховной власти, оконтуривающую разные истории как далекого прошлого, так и настоящего» [Панова, 2020, 174]. Мы добавим: «бездействующий кумир» выполнен посредством скульптурного экфрасиса. Как известно из культурного метатекста, первым скульптором, работавшим с глиной, был ветхозаветный бог. Человек был слеплен из глины. Более того, ветхозаветному нарративу, судя по разысканиям Д.Д. Фрэзера, предшествуют космогонические предания и легенды, существовавшие практически во всех частях света (см.: [Фрэзер, 1985, 13–28]). В эту типологическую парадигму встраивается пражско-еврейский сюжет о глиняном существе-человеке Големе, ставшем персонажем множества литературных текстов, а также мандельштамовский кумир из горы. Вот его портрет: «с шею каплет ожерелий жир», «кость, завязанная узлом», «колени, руки, плечи» как у человека, «широкий рот». И далее – субъективная рецепция создателя портрета: «мыслит костию», а не мозгом [Мейлах, 1990, 423], «чувствует челом» (а не органами чувств) [Мейлах, 1990, 423]. Чудовищный монстр, призванный к жизни высшими силами, возвращенный заботой для благих целей – ровно как Голем. Не оправдавший возложенной на него миссии, Голем был рассыпан, превращен в гору глины – так же и кумир, вскормленный индийской радугой и кошенилью, не оправдал ожиданий высших сил и, обездвиженный и лишенный чувств, заточен в гору. Именно метаморфозу, случившуюся с кумиром, имеет в виду и Н.Я. Мандельштам: «...проходят как бы возрасты человека, основные его состояния – младенчество, отрочество (“Когда он мальчик был”), постепенное окостенение и конец – кумир и памятник» [Мандельштам, 1990, 272].

Марина Пьяных, «Зимняя вишня» (2021)

Нараспашку пальто осеннее,
На лице – водяная пыль...
Ах, какое смешное везение –
Разводить в стихах кошениль!

Обманул меня город ласковый –

Дал билетик в один конец:
 Обделил теплотой и красками,
 И остался один червец...
 <...>
 [Пьяных, 2021].

В стихотворении Марины Пьяных лирическая героиня лишена мистически-экзистенциального взгляда на жизнь, она воспринимает происходящие с ней перипетии легко и небезнадёжно. «Обманул меня город ласковый» – город безымянный. Смеем предположить (по ассоциативной аналогии: кошениль – армянская кошениль), что этот город – Ереван, в контексте – чужой, неродной город: «Жить на птичьих правах – не убыточно». Героиня пережила большое чувство, однако оно оказалось обманутым: «И остался один червец...» Характерно, что из лексически-словарной формулы «кошениль – это червец», выпадает кошениль, вероятно, в подтексте за этим словом стоит любовь. Героиня «выболела багрецом» (багрец – красный цвет, густой, темный), превратившись в «зимнюю вишню» (замороженный продукт). Для нее этот переход лишен безысходности: «Впрочем, быть на болоте лишнюю – / Не такая уже беда». А в самих поэтических строках кошенилью заменено слово канитель в устойчивой языковой единице «разводить канитель», то есть не случилось ничего смертоносного, а просто рутинная история.

Возвращаясь к инсектному коду русской литературы, стоит отметить, что кошениль русской поэзии, во-первых, лишена того корпуса антиэстетичных признаков и функций, о котором мы упоминали выше [Гарипова, 2021а, 410–411], а также «экзистенциального отчаяния» [Гарипова, 2021b, 604], во-вторых, образ кошенили стоит особняком среди прочих насекомых и его функциональность прочитывается в высоком регистре – высокое чувство, трагическая кода любви, божественное яство – аналог амброзии. И, в-третьих, кошениль можно считать и амбивалентным образом, тогда он вписывается в концепцию инсектного кода упомянутой исследовательницы. Так, Л. Панова в этой божественной пище усматривает, с одной стороны, «диету кумира», с другой – «царственную мертвечину»: «Где черви, там и мертвечина» [Панова, 2020, 169].

Красный цвет и армянский текст

Исследователи армянского текста в стихах русских поэтов, И.В. Романова и Л.В. Павлова, опираясь на количественный метод, пришли к выводу, что главным цветовым маркером поэтического образа Армении в русской поэзии стал синий цвет. «Его функционирование в армянском тексте не совпадает ни со среднестатистическими ассоциациями, сопровождающими этот цвет, ни с его национальной символикой в армянской культуре» [Павлова, Романова, 2022, 3737].

Мы пошли по следам наших коллег, желая выяснить, с каким же цветом ассоциируется собственно Армения в сознании русскоязычной публики. На наш вопрос, заданный в одной социальной сети, большинство ответов сошлось на красном цвете (или цвете граната) (34%). Близкие по цветовой гамме ответы распределились следующим образом: розовый туф (17%), охра (14%), оранжевый (14%), желтый (7%); остальные ответы были единичными и не представляют интереса для настоящего исследования, однако могут стать предметом изучения другой статьи, это такие цвета: черный, зеленый, сиреневый, голубой, коричневый, белый, буро-песочный.

О чем говорят наши результаты и чем они отличаются от результатов наших коллег, где превалирует синий цвет? Их выборка – собственно поэтическая: таковой видится Армения русским поэтам. Наша – метатекстуальная: красный цвет преобладает в культуре, а значит среди анонимных выразителей армянского текста, который тиражируется не только поэтами, но и фольклорной действительностью, и что важно – после трагедии 1915 года красный цвет доминирует.

Далее мы предлагаем небольшую подборку фрагментов из русских стихов с символическим присутствием красного цвета. В них не упоминается собственно кошениль. Однако в этом нет необходимости: символика кошенили метатекстуальна, она повсюду. Прочитываем слова О. Мандельштама, которые в нашем контексте выполняют роль метафоры: «Когда дирижер вытягивает палочкой тему из оркестра, он не является физической причиной звука. Звучание уже дано в партитуре симфонии, в спонтанном сговоре исполнителей, в многолюдстве зала и в устройстве музыкальных орудий» [Мандельштам, 1991b, 164–165].

Знание о кошенили, символе красного цвета, с его экзистенциальной интенцией заложено в контексте и метатексте процитированных ниже стихотворных и прозаических строк (*все контекстуально значимые лексемы выделены курсивом авторами статьи*).

Фрагменты из поэтических сборников современной поэтессы Лианы Шахвердян, тбилисской армянки, пишущей на русском языке:

«...заложница сироты-судьбы, / <...> вплетала снежно-нежно / белыми руками-лебедями / в распущенные волосы / первые подснежники, / утомляя тягучее чувство вины / омертвевшего тела / атомами *красного вина* – / крови Спасителя...» [Шахвердян, 2018, 10];

«Я ем – я есмь. / *Кровь* моя – кров мой! / Потому, / смакуя мякоть / майских *вишен*, / поглощаю *красный цвет* – / в свой первый вздох, / поглощаю *красный цвет* – / в свой последний...» [Шахвердян, 2018, 116–117];

«Из темной ночи – белый снег, / из белого снега – *красные цветы*, / из *красных цветов* – пепел забвения... // Какого цвета забвение?» [Шахвердян, 2022, 15].

Эти фрагменты свидетельствуют об экзистенциальном значении красного цвета в армянской картине мира, что подтверждается взглядом художника, оптика которого заточена на цветовую палитру. Так, пишет Мартирос Сарьян: «Огромный огненный шар висел над горизонтом, небо покрывалось *багрянцем*. Склоны окрестных холмов окрашивались *золотисто-красным цветом*, который контрастировал с темной сине-фиолетовой окраской затемненных впадин. <...> Я очень любил наблюдать за небом, особенно за грозowymi тучами, сверху светлыми, а снизу *красно-оранжевыми*, с которых свисали темные вертикальные полосы дождя» [Сарьян, 1985, 18–19].

Далее приводим фрагменты из стихотворных и прозаических текстов сторонних наблюдателей – тех, которые открывали для себя Армению:

Наталья Кончаловская: «Телку девочка пасла, / *Платье красно, словно мак*» [Кончаловская, 1961, 52];

Ирина Снегова: «Разбушевались краски, / Просто с ума сошли. / Тянет жаром от *красной*, / *Точно уголь, земли*» [Снегова, 1963, 26] – вспомним «карбункул» Пастернака: здесь точно воспроизводится синонимичность угля/уголька и красного цвета;

Павел Антокольский: «Да, да. Во всем огромном мире / Я вспоминаю тебя одну, – / В свирепой каменной *порфире* / Сухую горную страну / <...> / Где в *желто-красных тыквах крыши* / Надолго врежутся в глаза...» [Вечность, 1978, 52–53];

Василий Гроссман: «Скалы обрывисты, *красные*, черно-коричневые. <...> Мартиросян показывает мне *красные* отвесные камни и рассказывает, что здесь живут дикие пчелы» [Гроссман, 1988, 41]; «Но вот из-под *красной* арки, ведущей в патриаршью резиденцию, вышел секретарь...» [Гроссман, 1988, 47]; «Кум – это главнокомандующий свадьбы. У него на рукаве, как и у жениха, широкая *красная перевязь*» [Гроссман, 1988, 59]; «На рукаве у него (жениха. – *Авт.*) *красная повязка*, как у дружинника, содействующего милиции» [Гроссман, 1988, 58]; «Мать дала ей (невесте. – *Авт.*), прощаясь, белую курочку, белую тарелку, *красное румяное яблочко*...» [Гроссман, 1988, 59]; «Над каменными костями гор заходило солнце. <...> Дымный *красный свет* стоял над *красными камнями*. В этот час Арарат и библейский миф о нем казались сегодняшними» [Гроссман, 1988, 60]. (Примеров можно привести множество, что при необходимости сделает исследователь «армянского красного цвета», обратившись,

например, к стихам А.П. Кулебякина, Е.М. Николаевской, М.Л. Матусовского, А.И. Гитовича, И.А. Снеговой, О.Н. Шестинского, В. Константинова и др. поэтов.)

По сути, вывод проведенного исследования аналогичен предварительной гипотезе, сложившейся в фазе опроса носителей культурных стереотипов: один из паттернов армянского текста русской словесности – красный цвет.

Выводы

В статье продолжена аналитика армянского текста русской словесности, начатая в таких статьях: [Амирханян, Павлова, Романова, 2020], [Павлова, Романова, 2020], [Павлова, Романова, 2022], [Павлова, Романова, 2023], [Шафранская, 2022a], [Шафранская, 2022b], [Шафранская, Кешфидинов, 2022], она вписывается в общий концепт о локальных текстах (см.: [Гарипова, Шафранская, 2022]). От статьи к статье мы выявляем те строительные паттерны армянского текста, которые тиражируются в поэзии, прозе, устных нарративах – в итоге складывается информационный «кейс», свидетельствующий о наличии в русской культуре армянского текста. Наши суждения и аналитика могут стать алгоритмом для работы с другими паттернами как армянского текста, так и прочих локальных текстов. Паттерн *красный цвет* и входящий в него минипаттерн *кошениль* в таком ракурсе представлены впервые.

Литература

- Амелин Г.Г., Мордерер В.Я. Миры и столкновенья Осипа Манделштама. М.: Языки русской культуры, 2001. 320 с.
- Амирханян М.Д., Павлова Л.В., Романова И.В. Реконструкция «армянского» текста в русской поэзии XX века (опыт компьютерного исследования) // Известия Смоленского гос. ун-та. 2020. № 2(50). С. 5–21.
- Вечность. Русские поэты – Армении / Сост. Г. Овнан. Ереван: Советакан грох, 1978. 198 с.
- Гамель И.Х. Об араратской кошенили: Извлеч. из соч. акад. Гамеля, напеч. в Записках Импер. Акад. наук. М.: Тип. С. Селивановского, 1835. 46 с.
- Гарипова Г.Т. Календарь Москвы: «Собрание утонченных» и пространство Лондона в метасознании Хаида Исмаилова // *Genius loci* в литературе, искусстве, культуре: Сб. науч. ст. М.: Свое изд-во, 2018. С. 71–86.
- Гарипова Г.Т. Принципы миромоделирования в русской прозе XX века (неклассическая парадигма художественности): дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Владимир, 2021а. 612 с.
- Гарипова Г.Т. Художественное проектирование культурфилософских миромоделей «библиоклазма» в современной литературе (на материале романа В. Сорокина «Манарага») // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021b. Т. 14. № 3. С. 602–607.
- Гарипова Г.Т., Шафранская Э.Ф. Локальные тексты в русской литературе. М.: Изд-во Юрайт, 2022. 109 с.
- Гаспаров М.Л., Подгаецкая И.Ю. «Сестра моя, жизнь» Бориса Пастернака. Сверка понимания. Чтения по истории и теории культуры. Вып. 55. М.: РГГУ, 2008. 192 с.
- Громова Н.А. Узел. Поэты: дружбы и разрывы: из литературного быта конца 20-х – 30-х годов. М.: Эллис Лак, 2006. 685 с.
- Громова Н.А. Ключ. Последняя Москва: Архивный роман. М.: АСТ, 2013. 412 с.
- Гроссман В. Добро вам! (Из путевых заметок) // *Знамя*. 1988. № 11. С. 5–62.
- Карабчиевский Ю. Тоска по Армении // Ю. Карабчиевский. Тоска по дому: Роман, повести. М.: Слово, 1991. С. 185–296.
- Кончаловская Н.П. Цвет: Стихи. М.: Сов. писатель, 1961. 88 с.
- Кузин Б.С. Воспоминания, произведения, переписка. СПб.: ИНАПРЕСС, 1999. 776 с.
- Ломоносов М.В. Промемория Академии Наук в Коммерц-коллегию об свидетельствовании марены. 1745. Декабрь. № 8. URL: <http://lomonosov.lit-info.ru/lomonosov/document/organizaciya-himicheskikh-issledovaniy/science-8.htm> (дата обращения: 15.05.2023).
- Манделштам О.Э. Путешествие в Армению // *Звезда*. 1933. № 5. С. 103–125.
- Манделштам О.Э. Путешествие в Армению // *Литературная Армения*. 1967. № 3. С. 82–101.
- Манделштам О.Э. Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. М.: Терра, 1991а. Т. 1. 684 с.
- Манделштам О.Э. Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. М.: Терра, 1991b. Т. 2. 730 с.

Мандельштам Н.Я. Комментарий к стихам 1930–1937 гг. // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. С. 189–312.

Мейлах М.Б. «Внутри горы бездействует кумир...» (К сталинской теме в поэзии Мандельштама) // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. С. 416–426.

Назарьян Р.Г. Бухарские евреи в Самарканде: история и современность // Евреи Евразии. 2004. № 2 (6). URL: <https://web.archive.org/web/20131101204754/http://eajc.org/page66/news13486> (дата обращения: 15.05.2023).

Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М.М. Павловой, А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 576 с.

Павлова Л.В., Романова И.В. «Армянский» текст русской поэзии (интерпретация данных программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах») // Новый филологический вестник. 2020. № 4(55). С. 212–225.

Павлова Л.В., Романова И.В. Синий цвет в армянском тексте русской поэзии (интерпретация данных программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 12. С. 3732–3738.

Павлова Л.В., Романова И.В. Созвучие Сарьяна и Армении в восприятии русских поэтов // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 1(61). С. 5–18.

Панова Л. Внутри горы бездействует... подтекст? К разгадке мандельштамовского кумира // Летняя школа по русской литературе. 2020. Т. 16. № 1–2. С. 148–187.

Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М.: Слово/Slovo, 2003. Т. 1. 576 с.

Пьяных М. Зимняя вишня // Крещатик. 2021. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/kreschatik/2021/2/zimnyaya-vishnya.html> (дата обращения: 15.05.2023).

Ройтенберг О.О. «Неужели кто-то вспомнил, что мы были...»: Из истории художественной жизни. 1925–1935. М.: Галарт, 2008. 560 с.

Сарьян М.С. Из моей жизни / 3-е испр. и доп. изд. М.: Изобразительное искусство, 1985. 304 с.

Снегова И.А. Дороги сердца: Стихи и переводы. Ереван: Айпетрат, 1963. 142 с.

Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете. М.: Политиздат, 1985. 511 с.

Шафранская Э.Ф. Каразин! Азия! // Н.Н. Каразин. На далеких окраинах. Погоня за наживой: Романы. Сер. «Литературные памятники». М.: Наука, 2019. С. 525–596.

Шафранская Э.Ф. Дети Иова: бухарские евреи в русском искусстве и русской литературе // Елена Коровой: иной взгляд. Бухарские евреи в русской культуре / Сост. Р. Некталов. М.: Фонд Марджани, 2020а. С. 66–87.

Шафранская Э.Ф. Лирическая проза Санджара Янышева. колониальный и постколониальный палимпсест // Вопросы литературы. 2020b. № 2. С. 143–157.

Шафранская Э.Ф. Армянский текст: дети Иова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022а. № 3. С. 511–520.

Шафранская Э.Ф. Армянский текст: стихи и проза // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022b. № S6. С. 135–143.

Шафранская Э.Ф., Кешфилов Ш.Р. Буквы Маштоца – паттерн армянского текста // Вопросы филологии. 2022. № 4. С. 31–35.

Шахвердян Л. Многоочие: Стихи и рассказы. Ереван: Ван Арьян, 2015. 104 с.

Шахвердян Л. Весна отчаяния. Ереван: Ван Арьян, 2018. 136 с.

Шахвердян Л. Сны солнца. Ереван: Ван Арьян, 2022. 64 с.

Sh.R. Keshfidinov

*Master of Teacher Education, Trainee Researcher
Smolensk State University, Smolensk, Russia*

E.F. Shafranskaya

*Doctor of Philological Sciences, Professor,
Smolensk State University, Smolensk, Russia
Moscow City University, Moscow, Russia*

ARMENIAN COCHINEAL AND THE RED COLOR OF ARMENIA IN RUSSIAN LITERATURE

Keywords: *Armenia; red color; cochineal; O. Mandelstam; Russian poetry about Armenia, Armenian text of Russian literature.*

The article examines the genesis of the red color, which acts as a pattern of the “Armenian text of Russian literature” on the basis of Russian poetic texts (B. Pasternak, F. Sologub, O. Mandelstam, N. Konchalovskaya, P. Antokolsky, I. Snegova, P. Pyanykh, L. Shahverdyan) and prose (B. Kuzin, O. Mandelstam, Yu. Karabchievsky, M. Saryan, V. Grossman). The subject of the article is the connection of the insect code presented in the discourse with the color red. Analytics is based on biographical, quantitative methods, linguistic analysis of the text and is carried out on the basis of a historical and cultural approach. The recent works that reveal the patterns of the “Armenian text” do not mention the connection between cochineal and red color metaphors found in this article. The conclusions obtained enrich the cultural and philological concept contained in the framework of the “Armenian text” and expand the poetic context of the biological organism mentioned in the poems of Russian poets. The article presents an additional (to the already existing) perspective in the analysis of O. Mandelstam's poem “Inside the mountain, an idol is inactive...”: the image of the idol is embedded in an ekphrastic sculptural row with the mythological Golem.

REFERENCES

- Amelin, G.G., Morderer, V.Ja. (2001) *Miry i stolknoven'ja Osipa Mandel'shtama*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury. 320 p. (In Russian)
- Amirhanjan, M.D., Pavlova, L.V., Romanova, I.V. (2020) Rekonstrukcija «armjanskogo» teksta v russkoj poezii HH veka (opyt komp'juternogo issledovanija) // *Izvestija Smolenskogo gos. un-ta*. № 2(50). P. 5–21. (In Russian)
- (1978) *Vechnost'. Russkie poety – Armenii* / Sost. G. Ovnan. Erevan: Sovetakan groh. 198 p. (In Russian)
- Gamel', I.H. (1835) *Ob araratskoj koshenili: Izvlechenija iz sochinenija akademika Gamelja, napechatannogo v Zapiskah Imperatorskoj Akademii nauk*. Moscow: Tip. S. Selivanovskogo. 46 p. (In Russian)
- Garipova, G.T. (2018) *Kalendar' Moskvy: «Sobranie utonchennyh» i prostranstvo Londona v metasoznanii Hamida Ismajlova // Genius loci v literature, iskusstve, kul'ture: Sb. nauch. st. Moscow: Svoe izdatel'stvo*. P. 71–86. (In Russian)
- Garipova, G.T. (2021a) *Principy miromodelirovanija v russkoj proze HH veka (neklassicheskaja paradigma hudozhestvennosti): dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.01. Vladimir*. 612 p. (In Russian)
- Garipova, G.T. (2021b) *Hudozhestvennoe proektirovanie kul'turfilosofskih miromodelej «biblioklazma» v sovremennoj literature (na materiale romana V. Sorokina «Manaraga») // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. T. 14. № 3. P. 602–607. (In Russian)
- Garipova, G.T., Shafranskaja E.F. (2022) *Lokal'nye teksty v russkoj literature*. Moscow: Jurajt. 109 p.
- Gasparov, M.L., Podgaeckaja, I.Ju (2008) *«Sestra moja, zhizn'» Borisa Pasternaka. Sverka ponimanija. Chtenija po istorii i teorii kul'tury*. Vyp. 55. M.: RGGU. 192 p. (In Russian)
- Gromova, N.A. (2006) *Uzel. Pojety: družby i razryvy: iz literaturnogo byta konca 20-h – 30-h godov*. Moscow: Jellis Lak. 685 p. (In Russian)
- Gromova, N.A. (2013) *Kljuch. Poslednjaja Moskva: Arhivnyj roman*. Moscow: AST. 412 p. (In Russian)
- Grossman, V. (1988) *Dobro vam! (Iz putevyh zametok) // Znamja*. № 11. P. 5–62. (In Russian)
- Karabchievskij, Ju. (1991) *Toska po Armenii // Ju. Karabchievskij. Toska po domu: Roman, povesti*. Moscow: Slovo. P. 185–296. (In Russian)
- Konchalovskaja, N.P. (1961) *Cvet: Stihi*. Moscow: Sov. pisatel'. 88 p. (In Russian)
- Kuzin, B.S. (1999) *Vospominanija, proizvedenija, perepiska*. St. Peterburg: INAPRESS. 776 p. (In Russian)
- Lomonosov, M.V. (1745) *Promemorija Akademii Nauk v Kommerc-kollegiju ob svidetel'stvovanii marenj*. Dekabr. № 8. URL: <http://lomonosov.lit-info.ru/lomonosov/document/organizacija-himicheskikh-issledovanij/science-8.htm> (data obrashhenija: 15.05.2023). (In Russian)
- Mandel'shtam, O.E. (1933) *Puteshestvie v Armeniju // Zvezda*. № 5. P. 103–125. (In Russian)
- Mandel'shtam, O.E. (1967) *Puteshestvie v Armeniju // Literaturnaja Armenija*. № 3. P. 82–101. (In Russian)
- Mandel'shtam, O.E. (1991a) *Cobr. soch.: in 4 vol. / Pod red. G.P. Struve i B.A. Filippova*. Moscow: Terra. Vol. 1. 684 p. (In Russian)
- Mandel'shtam, O.E. (1991b) *Cobr. soch.: in 4 vol. / Pod red. G.P. Struve i B.A. Filippova*. Moscow: Terra. Vol. 2. 730 p. (In Russian)
- Mandel'shtam, N.Ja. (1990) *Kommentarij k stiham 1930–1937 gg. // Zhizn' i tvorcestvo O.E. Mandel'shtama: Vospominanija. Materialy k biografii. «Novye stihi». Kommentarii. Issledovanija*. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta. P. 189–312. (In Russian)

- Mejlah, M.B. (1990) «Vnutri gory bezdejstvuet kumir...» (K stalinskoj teme v poezii Mandel'shtama) // Zhizn' i tvorcestvo O.E. Mandel'shtama: Vospominaniya. Materialy k biografii. «Novye stih». Kommentarii. Issledovanija. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta. P. 416–426. (In Russian)
- Nazar'jan, R.G. (2004) Buharskie evrei v Samarkande: istorija i sovremennost' // Evrei Evrazii. № 2(6). URL: <https://web.archive.org/web/20131101204754/http://ejc.org/page66/news13486> (data obrashhenija: 15.05.2023). (In Russian)
- (1997) Neizdannij Fedor Sologub / Pod red. M.M. Pavlovoj, A.V. Lavrova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 576 p. (In Russian)
- Pavlova, L.V., Romanova, I.V. (2020) «Armjanskij» tekst russkoj poezii (interpretacija dannyh programmogo kompleksa «Gipertekstovij poisk slov-sputnikov v avtorskih tekstah») // Novyj filologicheskij vestnik. № 4(55). P. 212–225. (In Russian)
- Pavlova, L.V., Romanova, I.V. (2022) Sinij cvet v armjanskom tekste russkoj poezii (interpretacija dannyh programmogo kompleksa «Gipertekstovij poisk slov-sputnikov v avtorskih tekstah») // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Vol. 15. № 12. P. 3732–3738. (In Russian)
- Pavlova, L.V., Romanova, I.V. (2023) Sozvuchie Sar'jana i Armenii v vosprijatii russkih pojetov // Izvestija Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. № 1(61). P. 5–18.
- Panova, L. (2020) Vnutri gory bezdejstvuet... podtekst? K razgadke mandel'shtamovskogo kumira // Letnjaja shkola po russkoj literature. T. 16. № 1–2. P. 148–187. (In Russian)
- Pasternak, B.L. (2003) Poln. sobr. soch.: in 11 vol. Moscow: Slovo. Vol. 1. 576 p. (In Russian)
- P'janyh, M. (2021) Zimnjaja vishnja // Kreshhatik. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/kreshchatik/2021/2/zimnyaya-vishnya.html> (data obrashhenija: 15.05.2023). (In Russian)
- Rojtenberg, O.O. (2008) «Neuzheli kto-to vspomnil, chto my byli...»: Iz istorii hudozhestvennoj zhizni. 1925–1935. Moscow: Galart. 560 p. (In Russian)
- Sar'jan, M.S. (1985) Iz moej zhizni / 3-e ispr. i dop. izd. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo. 304 p. (In Russian)
- Snegova, I.A. (1963) Dorogi serdca: Stih i perevody. Erevan: Ajpetrat. 142 p. (In Russian)
- Frjezer, D.D. (1985) Fol'klor v Vethom zavete. Moscow: Politizdat. 511 p. (In Russian)
- Shafranskaja, E.F. Karazin! Azija! (2019) // N.N. Karazin. Na dalekih okrainah. Pogonja za nazhivoj: Romany. Ser. “Literaturnye pamjatniki”. Moscow: Nauka, P. 525–596. (In Russian)
- Shafranskaja, E.F. (2020a) Deti Iova: buharskie evrei v russkom iskusstve i russkoj literature // Elena Korovaj: inoj vzgljad. Buharskie evrei v russkoj kul'ture / Sost. R. Nektalov. Moscow: Fond Mardzhani. P. 66–87. (In Russian)
- Shafranskaja, E.F. (2020b) Liricheskaja proza Sandzhara Janysheva. kolonial'nyj i postkolonial'nyj palimpsest // Voprosy literatury. № 2. P. 143–157. (In Russian)
- Shafranskaja, E.F. (2022a) Armjanskij tekst: deti Iova // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. № 3. P. 511–520. (In Russian)
- Shafranskaja, E.F. (2022b) Armjanskij tekst: stih i proza // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly. № S6. P. 135–143. (In Russian)
- Shafranskaja, E.F., Keshfidinov, Sh.R. (2022) Bukvy Mashtoca – pattern armjanskogo teksta // Voprosy filologii. № 4. P. 31–35. (In Russian)
- Shahverdjan, L. (2015) Mnogotochie: Stih i rasskazy. Erevan: Van Ar'jan. 104 p. (In Russian)
- Shahverdjan, L. (2018) Vesna otchajanija. Erevan: Van Ar'jan. 136 p. (In Russian)
- Shahverdjan, L. (2022) Sny solnca. Erevan: Van Ar'jan. 64 p. (In Russian)

Сведения об авторах:

Кешфидинов Шевкет Рустемович,
магистр педагогического образования,
стажер-исследователь НОЦ «Смоленский центр квантитативной филологии»
Смоленского государственного университета, г. Смоленск, Россия.
keshfidinov-shevket@rambler.ru, тел.: +7 978 876 12 15

Шафранская Элеонора Федоровна,
доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник НОЦ «Смоленский центр квантитативной филологии» Смоленского государственного университета, г. Смоленск, Россия,
профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия
shafranskayaef@mail.ru, тел.: +7 903 143 94 88